

В. З. ПАНФИЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНКОРПОРИРОВАНИИ

На материалах нивхского (гиляцкого) языка

Проблема инкорпорирования связана с рядом узловых вопросов общего языкознания: с вопросом о соотношении слова и словосочетания, о границах слова в предложении (проблема отдельности слова), о форме словосочетания, о членении предложения и т. п.

Поэтому необходим детальный критический анализ самого понятия инкорпорирования как особого лингвистического явления. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу дать анализ этого явления, в основном, на материалах нивхского языка, который до последнего времени считался одним из наиболее типичных и последовательных инкорпорирующих языков.

*

Понятие инкорпорирования введено в языкознание В. Гумбольдтом в связи с классификацией языков по способу образования предложений, который он считал характеризующим форму языка вообще. В. Гумбольдт среди четырех типов языков выделяет как особый тип «всесокупающую» (einverleibende)¹. Под именем всесокупающих языков² он и рассматривает те языки, которые позднее стали называться инкорпорирующими (термин «инкорпорирование» появился позднее).

В. Гумбольдт считал, что форма языка тесно связана с мышлением и оказывает влияние на умственное развитие народа — носителя соответствующего языка. Идеалистически трактуя форму языка, В. Гумбольдт видел в различных формах языка последовательные ступени на пути разрешения общечеловеческим духом одной и той же задачи: создать орудие образования мысли. Но, с другой стороны (следует на это обратить внимание!), он не считал возможным говорить о непосредственной трансформации одной формы языка в другую, хотя и характеризовал всесокупающую форму языка как форму менее совершенную и правильную, чем три остальные формы.

Рассматривая инкорпорирование в плане способов образования предложений, Гумбольдт имел в виду такие случаи, которые позднее³ опреде-

¹ См. В. Гумбольдт, О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода, рус. перевод П. Билярского, СПб., 1859, стр. 282.

² В качестве таковых в этот период языковедам были известны только некоторые американские индейские языки. К изучению палеоазиатских языков тогда еще только приступили.

³ Об этом см. ниже.

ялись как полное инкорпорирование, когда подлежащее и сказуемое якобы выражаются в одном составе словокомплекса.

В. Гумбольдт, выделяя в качестве двух различных типов языка аморфные, с одной стороны, и языки инкорпорирующие, с другой, тем самым резко противопоставлял примыкание и инкорпорирование как формальные приемы выражения синтаксических связей слов в предложении. В связи с этим он выдвинул положение о том, что при инкорпорировании, в отличие от случаев выражения синтаксических связей при помощи примыкания, происходит слияние в единое целое всех частей предложения.

В. Гумбольдт считал, что при инкорпорировании составные части предложения сливаются и с формальной стороны перестают быть словами, что в таких случаях форму слова приобретает все предложение в целом. Именно на этом основании В. Гумбольдт противопоставляет указанное грамматическое явление примыканию, при котором зависимые слова в предложении хотя и не получают особого оформления, однако не только выступают каждое со своим собственным значением, но и сохраняют в нем свою формальную самостоятельность. Следует при этом отметить, что В. Гумбольдт, говоря о наличии при инкорпорировании формы слова у всего предложения в целом и об отсутствии таковой у составляющих его знаменательных частей, основывается лишь на фонетической стороне явления, а именно на том, что при этом части предложения, не обособляясь друг от друга фонетически, произносятся в едином звуковом потоке.

В последующие годы инкорпорирование на длительный период почти совсем выпало из поля зрения лингвистов (если не считать Г. Штейнтала, на воззрениях которого мы здесь не останавливаемся). Вопрос об инкорпорации вновь поднимается только в конце XIX — начале XX в.⁴ в работах ряда американских ученых в связи с изучением американских индейских языков и в работах русских ученых В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга и В. И. Иохельсона в связи с изучением так называемых палеоазиатских языков. Эти ученые в своих трудах развивали совершенно иное понимание инкорпорирования, чем то, которое мы находим у В. Гумбольдта. Если последний рассматривал инкорпорирование прежде всего как явление синтаксического порядка, то названные ученые, имея в виду так называемое частичное инкорпорирование, при котором происходит фонетическое слияние не всего состава предложения, а его отдельных членов, как основной момент рассматривали тот факт, что при инкорпорировании происходит нарушение фонетических границ слов. Абсолютизируя этот момент, они склонялись в конце концов к выводу, что инкорпорирование в указанных языках является процессом, аналогичным словосложению, скажем, в индоевропейских языках⁵.

В. Г. Богораз сущность инкорпорирования видит в том, что две или более основы включаются в одну общую морфологическую рамку, благодаря которой они и приобретают форму слова.

Такое включение, по мнению В. Г. Богораза, и свидетельствует о том, что объединяемые общим оформлением⁶ основы сливаются в одно целое

⁴ В этот период появился и входит в употребление и сам термин «инкорпорация» (incorporation — «включение»).

⁵ См., например, В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, стр. 6.

⁶ В чукотском языке такое оформление будет, как правило, суффиксально-префиксальным, когда конечной основой является основа глагольная, и в большинстве случаев только суффиксальным, когда конечная основа — имя существительное. В языках иного типа, как, например, в нивхском, тоже причисляемом к инкорпорирующим языкам, общее оформление у двух или более слов (основ) может быть, как правило, суффиксальным.

и выступают в предложении как одно слово. В отношении языков чукотской группы В. Г. Богораз в этой связи рассматривал также и гармонию гласных⁷. Как мы видим, В. Г. Богораз всецело основывался только на фонетических и формальных признаках, не рассматривая того, как же в действительности ведут себя в предложении компоненты так называемых инкорпорированных комплексов.

Ученик В. Г. Богораз С. Н. Стебницкий, в противоположность ему, общее оформление двух или более основ скорее рассматривал как следствие уже произошедшего слияния и еще в большей степени, чем В. Г. Богораз, подчеркивал словообразовательный характер инкорпорирования. Он даже считал, что образовавшаяся при инкорпорировании сложная основа приобретает свойства глагольности, предметности или качественности в зависимости от принадлежности к той или иной части речи последней ведущей основы⁸.

В плане словосложения рассматривал инкорпорирование (в индейских языках), как известно, также и американский ученый Э. Сепир⁹. Примеры на сложение, приводимые им, показывают, что сюда он включал как обычное словосложение, имеющееся в индоевропейских языках, так и инкорпорирование, передающее отношения слов в предложении. Следовательно, Сепир, так же как и В. Г. Богораз, С. Н. Стебницкий и другие, не проводил принципиального различия между словосложением обычного типа и инкорпорированием. В работах указанных ученых утверждалось не только формальное тождество со словом образовавшегося в результате слияния частей предложения инкорпорированного комплекса, но последний отождествлялся со словом и по существу. Этим самым полностью отрицалась синтаксическая природа процесса инкорпорирования.

Основанием для положения о словообразовательной природе инкорпорирования, по видимому, послужило то обстоятельство, что в указанных языках действительно есть значительное количество сложных слов, каждое из которых передает одно понятие и которые не отличаются от инкорпорированных комплексов в собственном смысле этого слова, если те и другие рассматривать изолированно, вне предложения, только с формальной стороны. Несостоятельность этой точки зрения, однако, нетрудно доказать.

Прежде всего, сторонники подобной теории упускали из вида, что инкорпорированные комплексы в собственном смысле этого слова вызываются к жизни только данным контекстом, что каждый из компонентов этих комплексов сохраняет семантическую самостоятельность в их составе и может быть членом очень большого количества других инкорпорированных комплексов, так что если эти последние причислять к сложным словам, то словарь инкорпорированных языков разрастается до бесконечности. Так, например, имеем: *майн'ы-ран* «большой дом», *майн'ы-койн'ын* «большая чашка», *майн'ы-ытв'ит* «большая лодка», *майн'ы-оравт'льан* «больной человек» и т. п., с одной стороны, и *экы-ран* «высокий дом», *чевит'ы-ран* «низкий дом», *майн'ы-ран* «большой дом», *отты-ран* «деревянный дом» и т. п., с другой (чукотский язык).

Далее. Если значение, передаваемое инкорпорированным комплексом в целом, адекватно значению его знаменательных компонентов, то того же нельзя сказать о сложных словах в собственном смысле этого слова. Ср. в чукотском: *ык'имыл* «водка», буквально: «злая вода» [*ык'* (осн.) «плохой, скверный», *имыл* < *мимыл* «вода»].

⁷ См. В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, стр. 16.

⁸ См. С. Н. Стебницкий, Из истории надежных суффиксов в корякском и чукотском языках, Л., 1941, стр. 48.

⁹ См. Э. Сепир, Язык, М.—Л., 1934, стр. 51.

Наконец, знаменательные компоненты инкорпорированных комплексов, сохраняя свою семантическую самостоятельность, находятся друг к другу в определенных синтаксических отношениях (определения к определяемому, прямого дополнения к сказуемому и т. д.).

В 30-х годах в связи с кризисом теории стадийности, когда окончательно выяснилась несостоятельность морфологической схемы периодизации по стадиям и была сделана попытка дать стадиальную периодизацию развития языков по синтаксическому признаку, проблема инкорпорирования начинает занимать большое место в работах сторонников «нового учения» о языке и в первую очередь в трудах акад. И. И. Мещанинова. И. И. Мещанинов анализирует явление инкорпорирования, разбивая последнее на два типа: полное и частичное инкорпорирование.

Под словом-предложением (иначе — полным инкорпорированием) И. И. Мещанинов понимает «инкорпорирующие комплексы, передающие одним словом целое предложение»¹⁰. Такие комплексы, по мнению И. И. Мещанинова, не могут быть отождествлены ни с предложением, ни со словом в том их понимании, которое развивается применительно к индоевропейским языкам. Не являясь ни словом, ни предложением, «... инкорпорированный состав формально представляет собою слово, но по содержанию он является предложением»¹¹. «В связи с этим, — продолжает далее И. И. Мещанинов, — в нем не будет тех же, как и в индоевропейских языках, частей речи (лексических категорий) и членов предложения (грамматических категорий синтаксиса)»¹².

Игнорируя то обстоятельство, что инкорпорированные комплексы, во-первых, строятся из слов, употребляемых и в других комплексах, а во-вторых, что их составные компоненты сохраняют свою семантическую самостоятельность, И. И. Мещанинов пишет, что в таких комплексах мы имеем якобы нерасщепленное состояние слова и предложения и что они свидетельствуют о существовании в прошлом такого состояния языка, когда слово и предложение еще не были выделены как таковые¹³. А это, по мнению И. И. Мещанинова, даст основание рассматривать инкорпорирование как особую стадию, предшествующую стадии с членным составом предложения.

Такое слово-предложение, по мнению И. И. Мещанинова, построено согласно особым нормам мышления, по которым субъект, объект и их признаки не выделялись каждый в отдельности, мыслились диффузно. На следующем этапе развития языка, по мнению И. И. Мещанинова, вследствие якобы имевших место сдвигов в нормах мышления, происходит трансформация такого слова-предложения, его распад, в результате чего возникает частичное инкорпорирование.

При частичном инкорпорировании есть уже предложение в собственном смысле этого слова, так как субъект и предикат получают отдельное выражение. Но так как отношения между некоторыми словами в предложении продолжают выражаться их слиянием в одно слово, т. е. лексической формой, частичное инкорпорирование рассматривается И. И. Мещаниновым как пережиток ипостадийного состояния. Так, при частичном инкорпорировании происходит слияние слов, обозначающих предмет и его признаки, объект и признаки действия и само действие, что якобы вызвано к жизни особыми нормами мышления.

Несостоятельность такого объяснения genesis инкорпорирования очевидна, так как оно ведет к неразрешимым противоречиям. Действи-

¹⁰ И. И. Мещанинов, *Общее языкознание*, Л., 1940, стр. 73.

¹¹ Там же, стр. 74.

¹² Там же, стр. 75.

¹³ См. там же, стр. 111.

тельно, если слияние слов при инкорпорировании происходит потому, что в мышлении не выделены соответствующие понятия, то как могли возникнуть слова, обозначающие эти понятия и в иной связи выступающие вне этих комплексов? Если, далее, сливающиеся при инкорпорировании слова осознаются как таковые в их значимости, то как могут быть не выделены в сознании им соответствующие понятия? Очевидно также, что инкорпорирование не может предшествовать члененному предложению, так как для того, чтобы могли образоваться инкорпорированные комплексы, состоящие из слившихся слов, в языке должны были выработаться эти слова как таковые.

Позже И. И. Мещанинов инкорпорирование (полное и частичное) хотя и рассматривает как один из формальных способов выражения синтаксических отношений, однако он продолжает трактовать его как принципиально отличный от других синтаксический прием, утверждая, в частности, что в инкорпорированном комплексе нет синтаксических отношений в собственном смысле этого слова.

В стадильной периодизации, построенной с учетом лишь синтаксических признаков, инкорпорирование рассматривалось как стадия, предшествующая стадиям с члененным составом предложения. Инкорпорирующие языки считались стоящими на более раннем этапе единого глоттогонического процесса, чем языки аморфные. Примыкание, используемое в последних, таким образом, резко противопоставлялось инкорпорированию. Между тем примыкание и инкорпорирование уже при первом рассмотрении обнаруживают большую близость между собой. Поэтому в работе, где оба эти языковых явления рассматривались также и как совершенно самостоятельные синтаксические приемы, необходимо было указать, по каким же признакам они отличаются друг от друга. Такую попытку мы и находим в книге И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» (М. — Л., 1945)¹⁴.

Таким признаком, по которому можно отличить инкорпорирование от примыкания, по мнению И. И. Мещанинова, является фонетическая невыделенность слов, сочетающихся путем инкорпорирования. Однако такой критерий едва ли можно признать достаточным. Прежде всего, трудно согласиться с тем, что фонетическая невыделенность отдельных знаменательных компонентов предложения сама по себе может свидетельствовать о том, что такие компоненты не выделяются в предложении как отдельные слова. Достаточно в этой связи, например, сослаться на французский язык, в котором «внутри синтагмы звуки образуют один непрерывный ряд, и словесные границы ничем не дают себя знать в области слогаделения»¹⁵, а в пределах ритмической группы имеется только одно ударение¹⁶. Как известно, фонетическая невыделенность слова во французском языке особенно ярко проявляется в так называемом *liaison*.

Ясно, таким образом, что различного рода фонетические явления (чередования согласных, гармония гласных и т. п.), которые имеют место в пределах инкорпорированного комплекса, сами по себе еще не дают основания для утверждения, что его компоненты, обладающие лексическим значением, не выступают в предложении как отдельные слова, что весь этот комплекс в целом должен рассматриваться как слово. Вполне возможно, что в пределах тех или иных словосочетаний, в том числе

¹⁴ См. стр. 65, 67, 68.

¹⁵ Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, 2-е изд., Л., 1939, стр. 78. [Акад. В. В. Виноградов также отмечает неустойчивость, подвижность фонетической грани между словом и фразой («тесной группой слов»). См. «Русский язык», М. — Л., 1947, стр. 9.]

¹⁶ См. там же, стр. 85.

и таких, которые построены путем примыкания, их составные компоненты могут фонетически не выделяться как отдельные слова и тем не менее являться таковыми.

Специально проблеме инкорпорирования в чукотском языке были посвящены книга П. Я. Скорика «Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация»¹⁷ и его же статья, напечатанная в 1947 г.¹⁸ Инкорпорацию, вслед за И. И. Мещаниновым, он считает «особым способом выражения синтаксических отношений», но, с другой стороны, вслед за С. Н. Стебницким, подчеркивает, что происходящее при инкорпорировании включение в одну грамматическую форму двух или более основ является следствием их слияния в одно целое, а не наоборот¹⁹.

По мнению П. Я. Скорика, о слиянии в одно слово компонентов инкорпорированного комплекса свидетельствует имеющая при этом место гармония гласных, в результате которой при наличии в одном из компонентов гласных сильного ряда гласные слабого ряда других компонентов переходят в соответствующие гласные сильного ряда. В итоге П. Я. Скорик дает следующее определение инкорпоративного комплекса: «... инкорпоративный комплекс представляет собой слияние в одно целое ряда основ, каждая из которых сохраняет свою индивидуальную семантику. Конечная основа такого комплекса является его стержневым компонентом, а все основы, примыкающие к стержневой слева, — зависимыми компонентами. Стержневой компонент выражает главное значение всего образования, а зависимые характеризуют, конкретизируют это главное значение»²⁰.

В зависимости от принадлежности стержневой основы к той или иной части речи П. Я. Скорик делит инкорпоративные комплексы чукотского языка на три типа: именные, глагольные и наречные, соответственно с именами существительными, глаголами и наречиями в качестве ведущего компонента. Указывая, что инкорпорированный комплекс является с формальной стороны словом и ведет себя в предложении как одно целое, П. Я. Скорик не считает возможным говорить о компонентах инкорпорированного комплекса как о членах предложения²¹. Членом предложения, по его мнению, является весь инкорпорированный комплекс в целом. Таким образом, хотя он и объявляет инкорпорирование способом выражения синтаксических отношений, т. е. отношений членов предложения, тем не менее компоненты инкорпорированных комплексов, вслед за И. И. Мещаниновым, он не рассматривает как члены предложения. Инкорпорирование в синтаксическом плане противопоставляется в его работе такому способу выражения синтаксических отношений, при котором каждый из знаменательных компонентов инкорпорированного комплекса получает самостоятельное морфологическое оформление; последний способ имеет место в чукотском языке параллельно с инкорпорированием²².

В качестве вывода к наблюдениям над параллельным выражением синтаксических отношений в «Очерках по синтаксису чукотского языка» формулируется следующее положение: «Вместе с тем, те же синтаксические отношения в чукотском языке параллельно с инкорпорированием могут выражаться сочетанием самостоятельно оформленных слов, причем в по-

¹⁷ См. П. Я. Скорик, Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация, Л., 1948.

¹⁸ См. П. Я. Скорик, Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», 1947, вып. 6.

¹⁹ См. П. Я. Скорик, Очерки по синтаксису чукотского языка..., стр. 47.

²⁰ Там же, стр. 45.

²¹ См. там же, стр. 7.

²² См. П. Я. Скорик, Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений, стр. 528—529.

следнем случае различные синтаксические отношения получают дифференцированное формальное выражение в соответствующих лексико-грамматических формах»²³.

Эти различные способы выражения синтаксических отношений рассматриваются автором как явления разностадийного порядка. Подобно И. И. Мещанинову, П. Я. Скорик считает возможным говорить об инкорпорировании как об инстациональном пережитке на том основании, что, по его мнению, «... инкорпоративные комплексы представляют собой сохранившиеся от предшествующего состояния языка своеобразные лексико-синтаксические единицы»²⁴. П. Я. Скорик считает, что развитая в современном чукотском языке система агглютинации выросла из инкорпорации²⁵.

В вышедшей в 1952 г. после языковедческой дискуссии статье того же автора было подвергнуто развернутой критике понимание инкорпорирования как особой стадии в развитии языков²⁶. Однако в этой статье П. Я. Скорик полностью сохраняет ту характеристику инкорпорирования как грамматического явления, которая давалась ему раньше.

*

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса об инкорпорировании в нивхском языке.

Нивхский (гиляцкий) язык предметом специального изучения стал только в конце XIX в. Л. Я. Штернберг, которому мы обязаны первыми серьезными научными работами по нивхскому языку²⁷, проблемой инкорпорирования специально не занимался. Имевшиеся у него отдельные высказывания по этому поводу позволяют думать, что отмечаемые им в нивхском языке случаи фонетического объединения (слияния) двух или более слов он склонен был рассматривать в плане словосложения²⁸.

Эти случаи фонетического объединения (слияния) двух или более слов совершенно другое истолкование получили в трудах Е. А. Крейновича²⁹ — ученика Л. Я. Штернберга. Определив эти случаи как инкорпорирование, Е. А. Крейнович рассматривал указанное явление прежде всего в стадийном плане.

Характеризуя нивхский язык в его современном состоянии, Е. А. Крейнович определяет его как язык синтетическо-агглютинирующий, имея в виду под синтетизмом инкорпорирование³⁰. Инкорпорирование в со-

²³ П. Я. Скорик, Очерки по синтаксису чукотского языка..., стр. 168.

²⁴ Там же, стр. 174 (см. также стр. 168).

²⁵ См. там же, стр. 92.

²⁶ См. П. Я. Скорик, «Теория стадийности» и инкорпорация в палеоазиатских языках, сб. «Прогресс вульгаризации и извращения марксизма в языковедении», ч. 2-я, М., 1952, стр. 136—156.

²⁷ См.: «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранных Л. Я. Штернбергом», СПб., 1901 [отт. из «Известий Импер. Акад. наук», т. XIII, № 4 (ноябрь 1900)]; «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом», СПб., 1908.

²⁸ См. «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранных Л. Я. Штернбергом», стр. 433; см. по этому вопросу также стр. 393, 396, 398 и 399.

²⁹ См. Е. А. Крейнович, Нивхский (гиляцкий) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934; его же, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, М.—Л., 1937.

³⁰ Самого термина «инкорпорирование» Е. А. Крейнович не употреблял. В соответствующих случаях он говорил о синтетизме, о синтетических сочетаниях, о синтетическом слове и т. п. в нивхском языке, как и в других инкорпорированных языках. См., например, его «Фонетику нивхского (гиляцкого) языка», стр. 35.

временном нивхском языке Е. А. Крейнович прямо возводит к первичному диффузному слову-предложению и рассматривает его как результат стадийной трансформации такого слова-предложения в итоге изменения норм мышления. Исходя из своей «теории» происхождения инкорпорирования в современном нивхском языке³¹, Е. А. Крейнович рассматривал его как наиболее древний способ выражения синтаксических отношений в предложении.

По Е. А. Крейновичу, в нивхском языке инкорпорирование имеет место при сочетании определения с определяемыми и прямого дополнения со сказуемым. Е. А. Крейнович утверждал, что инкорпорирование в этих случаях является всегда обязательным, что в предложении определение никогда не выступает отдельно от определяемого, а дополнение от сказуемого и что исключения из этих правил нам неизвестны³².

В противоположность Л. Я. Штернбергу, рассматривавшему инкорпорирование в современном нивхском языке как словообразовательный процесс, Е. А. Крейнович видел в инкорпорировании синтаксический процесс особого порядка, при котором соответствующие члены или части предложения сливаются в одно целое, в одно слово. Это, например, утверждается в отношении сочетания дополнения со сказуемым. Так, разбирая предложения *Нивх хадь* «Человек стрелял» и *Нивх нивх-к'адь* «Человек человека стрелял», Е. А. Крейнович писал: «Стоило только слову *нивх* изменить свою синтаксическую функцию и из подлежащего стать прямым дополнением, как оно немедленно слилось вместе со сказуемым в одно слово, изменив при этом начальный звук сказуемого из *х* в *к'*»³³.

В этой связи Е. А. Крейнович придавал чрезвычайно большое значение чередованию начальных согласных, имеющему место в нивхском языке. «Чередования согласных звуков нивхского языка с и н т а к с и ч е с к и о б у с л о в л е н ы, — писал он. — Они происходят при соединении именных и глагольных основ в единые синтетические сочетания, строящиеся на основе указанного синтаксического процесса (инкорпорирования. — В. П.)... Чередования согласных звуков способствуют специально с основами в целые синтетические сочетания, свидетельствуя этим самым об отношении слов друг к другу в предложении...»³⁴. Говоря об инкорпорировании (синтетизме) в нивхском языке, Е. А. Крейнович специально не останавливался в этой связи на наличии одного общего оформления у сочетаний определения с определяемым, прямого дополнения со сказуемым как на признаке их слияния в одно слово.

В 30—40-х годах материалы нивхского языка широко используются в трудах акад. И. И. Мещанинова в связи с вопросами становления различных категорий языка (члены предложения, части речи и т. д.)³⁵. Нивхский язык рассматривался им как типичный представитель такого этапа в развитии языков, который возникает непосредственно после распада слова-предложения, а именно: этапа частичного инкорпорирования.

Из положения об обязательности инкорпорирования определения, прямого дополнения, а также обстоятельства И. И. Мещанинов сделал ошибочный вывод об отсутствии их в нивхском языке как членов предло-

³¹ См. Е. А. Крейнович, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, стр. 75—77.

³² См. Е. А. Крейнович, Нивхский (гиляцкий) язык, стр. 194—195.

³³ Там же, стр. 194.

³⁴ Е. А. Крейнович, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, стр. 28.

³⁵ См. И. И. Мещанинов, Общее языковедение; его же, Члены предложения и части речи и др.

жения³⁶. В связи с этим он выдвинул неправильное положение о том, что в нивхском языке нет прилагательных и наречий как частей речи, а также нет и условий для их формирования³⁷.

И. И. Мещанинов в своих работах инкорпорирование в нивхском языке рассматривал как явление, аналогичное подобному же в других инкорпорирующих языках, и определял его по тем же признакам, по каким оно определялось в этих языках (инкорпорированный комплекс — слово с формальной стороны и выступает в предложении как одно слово; фонетические изменения в пределах инкорпорированных комплексов являются свидетельством слияния их компонентов в одно целое и т. д.). Точка зрения Е. А. Крейновича и акад. И. И. Мещанинова, согласно которой нивхский язык является типичным инкорпорирующим языком, получила признание во всех работах, касавшихся этого вопроса³⁸.

*

Прежде чем перейти к анализу того явления нивхского языка, которое определялось предшествующими исследователями как инкорпорирование, коротко остановимся на чередовании начальных согласных, которому в этой связи, как мы видели, придавалось исключительно большое значение. В нивхском языке чередования начальных согласных происходят:

1. Когда сочетаются полнозначные слова: а) определение, выраженное именем существительным, местоимением, причастием, прилагательным, числительным, и определяемое, выраженное именем существительным; б) прямое дополнение в абсолютном падеже и сказуемое.

2. При различного рода удвоениях (чередуются начальные согласные второй основы).

3. Когда служебные слова, суффиксы, частицы выступают при полнозначных словах или присоединяются к ним (чередуются начальные согласные этих служебных слов, суффиксов, частиц).

В указанных случаях имеют место следующие чередования:

<i>n</i> ~ <i>ε</i> ~ <i>б</i>	<i>n'</i> ~ <i>φ</i>	<i>ε</i> ~ <i>n</i> ~ <i>б</i>	<i>φ</i> ~ <i>n'</i>
<i>m</i> ~ <i>p</i> ~ <i>д</i>	<i>m'</i> ~ <i>pш</i>	<i>p</i> ~ <i>m</i> ~ <i>д</i>	<i>pш</i> ~ <i>m'</i>
<i>тb</i> ~ <i>ε</i> ~ <i>дb</i>	<i>ч</i> ~ <i>с</i>	<i>ε</i> ~ <i>тb</i> ~ <i>дb</i>	<i>с</i> ~ <i>ч</i>
<i>к</i> ~ <i>ε'</i> ~ <i>ε</i>	<i>к'</i> ~ <i>х</i>	<i>ε'</i> ~ <i>к</i> ~ <i>ε</i>	<i>х</i> ~ <i>к'</i>
<i>к</i> ~ <i>ε'</i> ~ <i>ε</i>	<i>к'</i> ~ <i>х</i>	<i>ε'</i> ~ <i>к</i> ~ <i>ε</i>	<i>х</i> ~ <i>к'</i> ³⁹

Как видно из приведенной таблицы, в нивхском языке начальные глухие непридыхательные смычные чередуются со звонкими щелевыми и звонкими непридыхательными смычными, а глухие придыхательные смычные — с глухими щелевыми; в свою очередь звонкие щелевые чередуются с глухими и звонкими непридыхательными смычными, а глухие щелевые — с глухими придыхательными смычными.

Эти чередования происходят по следующим закономерностям:

1. Начальные смычные *n*, *m*, *тb*, *к*, *к'*, *n'*, *m'*, *ч*, *к'*, *к'* переходят со-

³⁶ См., например, И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 28, 30, 145, 193.

³⁷ См. там же, стр. 30, 145.

³⁸ Из последних работ см., например, статью К. А. Новиковой и В. Н. Савельевой «К вопросу о языках коренных народностей Сахалина» (сб. «Языки и история народностей Крайнего Севера СССР», Л., 1953).

³⁹ Знак ' после графемы обозначает: 1) придыхательность глухих смычных; 2) заднеязычность сонанта *к*; в сочетании с буквой *ε* (*ε'*) знак ' обозначает звонкий заднеязычный щелевой *γ*. Знак [˘] над графемой указывает на веларность соответствующего согласного.

ответственно в звонкие и глухие щелевые, если им предшествуют смычные *п, ть, т, к, к̄* и *дь*⁴⁰ или гласные *а, е, о, у, и, ы*, а также *й*.

2. Начальные неаспирированные смычные *п, т, ть, к, к̄* переходят в соответствующие звонкие смычные или звонкие щелевые, если им предшествуют сонанты *н', н, нь, л, м*. После сонанта *н'* начальные неаспирированные смычные, как правило, переходят в соответствующие звонкие смычные. Глухие аспирированные смычные в этих условиях либо остаются неизменными, либо переходят в соответствующие глухие щелевые.

3. Чередований начальных аспирированных и неаспирированных смычных не происходит, если им предшествуют щелевые *ф, р, рш, с, х, х̄*⁴¹.

4. Начальные звонкие и глухие щелевые *в, р, з, з', з̄', ф, рш, с, х, х̄* переходят соответственно в аспирированные и неаспирированные смычные, если им предшествуют глухие щелевые *ф, рш, с* и *х*, а также звонкий щелевой *р*.

5. Чередование звонких и глухих щелевых не происходит, если им предшествуют смычные *п, т, ть, к, к̄* и *дь*, гласные *а, е, о, у, и, ы*, а также *й*.

6. Начальные звонкие щелевые *в, р, з, з', з̄'* переходят в соответствующие звонкие смычные или остаются без изменения, если им предшествуют сонанты *н', н, нь, л, м*. Глухие щелевые *ф, рш, с, х, х̄* в тех же условиях либо переходят в соответствующие аспирированные смычные, либо остаются без изменения.

Таким образом, чередование начальных согласных в нивхском языке происходит в определенных комбинаторных условиях: начальные глухие аспирированные и неаспирированные смычные не чередуются, если им предшествуют щелевые, а звонкие и глухие щелевые не чередуются, если им предшествуют смычные, гласные, а также *й*.

Согласно общепринятому определению, даваемому инкорпорированию, компоненты инкорпорированного комплекса имеют одну общую лексическую форму. Этим самым предполагается, что каждый из них в отдельности таковой не имеет и не выступает в предложении как слово. Утверждается, что слово с формальной стороны представляет собой весь инкорпорированный комплекс в целом. Именно поэтому, указывая на инкорпорирование определения определяемым, прямого дополнения сказуемым и т. д., обычно говорят о происходящем при этом слиянии основ, а не слов. Рассмотрим, что представляют собой в этом отношении компоненты так называемого инкорпорированного комплекса в нивхском языке.

Как уже указывалось, в нивхском языке в качестве инкорпорированных комплексов предшествующими исследователями рассматривались сочетания определения с определяемым, прямого дополнения со сказуемым. Поскольку конечные компоненты этих комплексов получают соответствующее морфологическое оформление, здесь в вышеуказанном отношении мы рассмотрим только определение и прямое дополнение.

Определение в нивхском языке может выражаться: именами существительными, местоимениями (личными, указательными, возвратно-притяжательным, относительно-вопросительными, определительными и др.), качественными прилагательными⁴², глагольными основами, наречиями и числительными⁴³. Определение, как правило, предшествует определе-

⁴⁰ Звонкие смычные, кроме *дь*, и глухие аспирированные смычные в конечном положении не встречаются.

⁴¹ Звонкие щелевые, кроме *р*, как правило, в конечном положении не встречаются.

⁴² В нивхском языке есть только качественные прилагательные.

⁴³ В нивхском языке особую часть речи образуют только количественные числительные.

тому⁴⁴. Определение, выраженное именем существительным, не получает никаких показателей своего подчинения определяемому имени существительному. Определяющее имя существительное, таким образом, стоит в абсолютном падеже, совпадающем с его основой. Например: *ытык-рыф* (ам. д.)⁴⁵ «дом отца» (*ытык* «отец» стоит в абсолютном падеже). В этой же форме, т. е. в абсолютном падеже, выступает имя существительное в тех случаях, когда оно является подлежащим, например: *ытык пилдь* «отец большой».

Определяющее имя существительное может быть оформлено суффиксом множественного числа, а также соединительными суффиксами и вопросительными частицами, которые оно получает, выступая в функциях других членов предложения (подлежащего, косвенного дополнения, обстоятельства), например:

- 1) *Иф п'ытыкху-ный-тывда-ыздь* (ам. д.) «Он своих родителей летающего змея звал». Определение *ытыкху* «родителей» стоит в форме множественного числа (*ку-гу-г'у-ху* — суффикс множественного числа);
- 2) *к'ек'хо һыйкхо-зифку* (ам. д.) «лисиц и зайцев следы». Определения *к'ек'хо*, *һыйкхо* оформлены соединительным суффиксом *ко-г'о-хо-го*;
- 3) *к'ек'хе һыйкхе-зифку* (ам. д.) «лисицы и зайца следы». Определения *к'ек'хе* *һыйкхе* оформлены соединительным суффиксом *ке-г'е-хе-ге*;
- 4) *һан'ло няг'рло-йисф* (ам. д.) «рыбчика ли, крысы ли место». К определению *һан'ло*, *няг'рло* присоединена вопросительная частица *ло(лу)*.

Таким образом, имя существительное, будучи определением, выступает в такой форме, в какой оно выступает в предложении и как самостоятельное слово, вне инкорпорированных комплексов.

Количественные числительные, являясь определениями, могут занимать как постпозиционное положение (числительные до пяти), так и препозиционное (числительные после пяти). В тех случаях, когда количественные числительные занимают препозиционное положение, они выступают, как и имена существительные, являющиеся определениями, в исходной форме, т. е. в абсолютном падеже. В этой же форме количественные числительные выступают и вне инкорпорированных комплексов, например в случаях, когда они являются подлежащими. Приведем примеры:

- 1) *Ни н'ах-ниг'ах вигудь* (ам. д.) «Я шесть человек послал» (*н'ах* «шесть» в абсолютном падеже, *ниг'ах* «человек» в дательном-винительном падеже);

- 2) *Н'ах мг'ета, мен к'е-г'уста* (ам. д.) «Шесть (человек) гребли, двое невод выбрасывали» (*н'ах* «шесть» в абсолютном падеже).

Таким образом, количественные числительные, являясь определениями в составе инкорпорированных комплексов, даются в такой форме, какую они имеют, выступая в предложении как отдельные слова вне инкорпорированных комплексов.

Качественные прилагательные, будучи определениями, также не получают никаких морфологических показателей в порядке согласования их с определяемыми. Но, выступая определением, большинство прила-

⁴⁴ Исключение в этом отношении представляют собой количественные числительные. Числительные до пяти преимущественно ставятся постпозиционно, после пяти — препозиционно.

⁴⁵ Здесь, как и в последующих случаях, мы сохраняем принцип написания через дефис компонентов так называемых инкорпорированных комплексов, с тем чтобы показать, в каких случаях предшествующими исследователями усматривалось инкорпорирование. В примерах в скобках мы даем следующие сокращения: ам. д. — амурский диалект, в.-с. д. — восточносахалинский диалект, з.-с. д. — западносахалинский диалект.

гательных присоединяют к своей основе специальный суффикс *ла*, которого они, как правило, не имеют, когда выступают в функции сказуемого. Следовательно, суффикс *ла* оказывается показателем их синтаксической функции — функции определения. Так, например, имеем: *урла-дыф* «хороший дом», но *тыф урдь* «дом хороший» (ам. д.).

В восточносахалинском диалекте к прилагательному в большинстве случаев присоединяется еще суффикс *н* или *н'*. Таким образом, прилагательное, будучи определением, получает специальный морфологический показатель, хотя и не в порядке согласования с определяемым. Следовательно, выступающие в этой функции прилагательные имеют свою лексическую форму. Об этом говорит также и то обстоятельство, что чистые основы прилагательных, а также и оформленные суффиксом *ла* или составным суффиксом *ла + н(н')* могут субстантивироваться и употребляться как имена существительные, а кроме того выступать в других синтаксических функциях в качестве отдельных самостоятельных слов.

В качестве примеров на субстантивацию можно привести следующие случаи: *ыкын* «старший брат» от *ыкы* «старший» (ср. *ыкы-ниэк* «старший человек»); *аскан'* «младший брат» от *аска(н')* «младший» (ср. *аска-ниэк* «младший человек»); *пилан'* «старший на охоте, вожак, большак, старейшина» от *пила* «большой»; *улан'* «гора» от *ула(н')* «высокий»; *к'авла* «жара» от *к'авла* «жаркий»; *паг'лан'* «солнце» от *паг'ла* «красный» и т. д.

Отмечаются случаи, когда прилагательные в этой форме выступают как обстоятельства и, следовательно, вне инкорпорированного комплекса, например: *Чола барк йальта, к'ола барк йальта* (ам. д.) «И бедно жили, и богато жили».

В качестве определений в нивхском языке очень часто выступают глагольные основы. Указывая в этих случаях на действие как на признак, а не на процесс самого действия, они имеют категориально другое лексическое значение, чем соответствующие глаголы. Таким образом, в этих случаях можно говорить о глагольных основах, имея в виду только их материальную сторону.

В восточносахалинском диалекте глагольные основы, будучи определениями, в большинстве случаев присоединяют суффикс *н* или *н'*. В амурском диалекте этот суффикс в настоящее время уже не присоединяется в соответствующих случаях, хотя некогда также употреблялся. Кроме того, глагольная основа в этой функции может присоединять видовременные суффиксы, например суффикс *г'ыт* (ам. д.), *г'ар* (в.-с.д.), указывающий на завершенность действия, *ны*, *ины* — суффиксы будущего времени, суффикс прилагательного *ла* и некоторые другие.

В той же форме, какую они имеют, являясь определениями, глагольные основы могут выступать в других синтаксических функциях вне инкорпорированных комплексов.

Так, иногда глагольная основа может быть сказуемым, например:

1) *Икынныг'ар йыг'зу, виныг'ар йыг'зу надъра* (ам. д.) «Вернулся бы, но не знаю; пошел бы, но не знаю, так»;

2) *Неманьг'а, меси тиирты-лыг'ы, пыт тиир-н'анагта* (ам. д.) «Старуха, у нас дров нет, завтра за дровами пойду».

Глагольные основы, оформленные суффиксом *н(н')*, а также и другими суффиксами, которые и ним могут присоединяться, когда они являются определениями, часто субстантивируются и выступают в функциях имен существительных (подлежащего, дополнения и др.); например:

1) *Кон'-ми-к'аврда* (в.-с. д.) «Про болезнь не слышала»; *кон'* «болезнь» от *к'онд* «болеть»;

2) *Тысух надънынын' к'аудь* (ам. д.) «В доме нет работница»; *надънынын'* «работник» от *надънындь* «работать»; *ны* — суффикс будущего времени;

3) *П'ихрыг'рынын'-нын'т нын'дъра* (ам. д.) «Себе слугу ищю» (буквально: «своего слугу, служителя ища иду»); *п'ихрыг'рынын'* от *п'(и)* «свой»; *ихры* ~ *иг'ры* — основа глагола *иг'рыдъ* «служить»; *ны* — суффикс будущего времени;

4) *к'ыла-жан* «беговая собака» (з.-с. д.); *жан* «собака»; *к'ыдъ* «побеждать», но *к'ылаку-морш* «2 беговые собаки» (*к'ыла* от основы глагола *к'ыдъ* + суффикс *ла*; *ку* — суффикс множественного числа; *морш* — числительное «два» для счета животных);

5) *п'ин* ~ *фин* «житель» от глагола *п'идъ* «находиться (в чем-нибудь)». См., например, *ла-фин* «житель Амура», *во-фин* «житель деревни» и т. п.

Приведенные выше факты показывают, что в той форме, какую глагольная основа имеет, являясь определением в составе инкорпорированного комплекса, она может употребляться в предложении самостоятельно, как отдельное слово в других синтаксических функциях.

В функции определения могут иногда также быть и наречия, например: *наф-ыр* (ам. д.) «теперешнее время», *наух-ку* (в.-с. д.) «сегодняшний день». Будучи определениями, наречия выступают в той же форме, какую они имеют, являясь обстоятельствами, которые, согласно также и традиционной точке зрения, не инкорпорируются сказуемым.

В отношении местоимений следует указать, что только личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *ни*, *чи*, а также возвратно-притяжательное местоимение *п'и*, указывая на принадлежность предмета (мой, твой, свой), в большинстве случаев в настоящее время теряют свой конечный гласный. Исторически в этой функции они выступали в неусеченном виде, т. е. в форме своей основы, совпадающей с формой законченного слова. Теряя же в настоящее время в большинстве случаев гласный своей основы и передавая весьма обобщенное значение, указанные местоимения в этой функции по существу выступают как местоименные префиксы.

Из местоимений других разрядов только указательные *хыдъ*, *тыдъ* «этот», *кудъ*, *адъ* «тот» и некоторые определительные, относительно-вопросительные, отрицательные и неопределенные на *дъ*, будучи определениями, имеют такую форму, в какой они не могут выступать в тех случаях, когда фигурируют в других синтаксических функциях (подлежащего, дополнения, обстоятельства). Являясь определениями, эти местоимения теряют суффикс *дъ*. Однако следует указать, что отсутствие суффикса *дъ* в этих случаях, как будет показано ниже, не исключает возможности употребления данных местоимений как законченных слов в той же синтаксической функции определения.

В качестве прямых дополнений в нивхском языке фигурируют: 1) имена существительные; 2) местоимения: личные, указательные, определительные, возвратно-притяжательное и др.; 3) субстантивированные глаголы в форме на *дъ* (*ть*) (ам. д.), *д(ит)* (в.-с. д.); 4) количественные числительные. Прямое дополнение, как правило, предшествует сказуемому. Имена существительные, являясь прямыми дополнениями, также, как и определения, употребляются в абсолютном падеже, могут присоединять к себе суффикс множественного числа, соединительные суффиксы и другие форманты. Приведем примеры:

1) *Имн' ны-лумришку-гедъ* (ам. д.) «Они этих соболей взяли»; *лумришку* «соболей» стоит во множественном числе (*ку*~*г'у*~*гу*~*ху* — суффикс множественного числа);

2) *ног'ат мен к'уг'о пундъг'о-бот видъг'у* (ам. д.) «Тогда оба, стрелы и луки держа, пошли»; *к'уг'о пундъг'о* «стрелы и луки» оформлены соединительным суффиксом *ко*~*г'о*~*го*~*хо*.

Количественные числительные, будучи прямыми дополнениями, так же, как и имена существительные, выступают в абсолютном падеже, например: *Нуг'и ни н'а-мори-к'удь, ног'ат тый тёр-к'удь* «Я сначала двух зверей убил, затем еще трех убил».

В нивхском языке в весьма широких размерах происходит субстантивация глаголов в форме на *дь* (ам. д.), *д*, *нт* (в.-с. д.). В этой форме глаголы обычно являются в предложении сказуемыми. Субстантивируясь, они начинают вести себя как обычные имена существительные и выступают в тех же синтаксических функциях. Так же они ведут себя, будучи прямыми дополнениями. Приведем примеры:

1) *ног'ат иф-райудьг'у-урудох к'аудьра* (ам. д.) «Тогда его сочинения не читали» (*райудьг'у* «сочинения» от *райудь* «писать»; *ку-г'у-гу-ту* — суффикс множественного числа);

2) *Иф Балда-нумдь-эзмудь* (ам. д.) «Она жизнью Балды радуется» (*нумдь* «жить, житье»).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *ни* «я», *чи* «ты» и возвратно-притяжательное местоимение *н'и*, указывая на объект действия, в настоящее время в большинстве случаев теряют свой конечный гласный, хотя прежде также выступали в полной форме. Здесь, таким образом, как и в тех случаях, когда они указывают на принадлежность, мы по существу имеем дело уже с местоименными префиксами.

Остальные личные местоимения, а также местоимения указательные, определительные и вопросительные, будучи прямыми дополнениями, выступают в той же форме, какую они могут иметь, употребляясь в других синтаксических функциях, например подлежащего. Будучи прямыми дополнениями, они также могут присоединять к себе некоторые суффиксы, например соединительные.

Приведенные выше данные, на наш взгляд, убедительно показывают, что определение и прямое дополнение, которые, согласно традиционной точке зрения, образуют инкорпорированные комплексы соответственно с определяемым и сказуемым, выступают в этих комплексах в такой форме, в какой они могут выступать и выступают в других синтаксических функциях как отдельные самостоятельные слова. Кроме того, они присоединяют к себе такие форманты, которые обычно оформляют самостоятельно выступающие в предложении слова. Таким образом, можно сомневаться в том, что определение и прямое дополнение, входя в состав инкорпорированных комплексов, якобы не выступают в предложении как отдельные слова. В этой связи особо заслуживают быть отмеченными факты, которые показывают, что ту же форму, которую эти зависимые компоненты имеют в составе инкорпорированных комплексов, определения и прямое дополнение имеют и тогда, когда они находятся в предложении вне инкорпорированных комплексов. А такие случаи, вопреки утверждению Е. А. Крейновича, в нивхском языке не только имеют место, но и весьма обычны. Здесь мы имеем в виду такие случаи, когда определение не примыкает непосредственно к определяемому, а прямое дополнение к сказуемому и, следовательно, когда об их слиянии в одно слово (в чем видят сущность инкорпорирования) соответственно с определяемыми и сказуемым не приходится говорить. Рассмотрим эти случаи.

1. Определение не имеет непосредственного примыкания к определяемому: а) когда между ним и определяемым вставлено какое-либо слово или когда к одному определяемому относится несколько определений; б) когда одно определение относится к двум или более определяемым и, следовательно, непосредственно примыкает только к первому из них. В этом последнем случае не происходит также и чередования начальных согласных первого определяемого. Приведем примеры на оба эти случая:

1) *Токоу т'улф иньныфтох мале'огут пхатъпхатъ мивух пандь-опут хундидь* (ам. д.) «С огорода для того, чтобы зимой есть, много разного, из земли растущего, собрав оставили». В этом предложении между качественным определением *пхатъпхатъ* «разный» и определяемым *пандь* «растущее» (здесь субстантивация глагольной формы *пандь* «расти») вставлено обстоятельственное слово *мивух* «из земли»;

2) *(хутку леле аскак п'рийвить* (з.-с. д.) «Ее мужа самый младший брат приближается». Здесь между именным определением *хутку* «ее мужа» и определяемым *аскак* «младший брат» вставлено неизменяемое наречное слово *леле* «очень, даже, самый»;

3) *ног'орот толф паг'ла пулкеулку-редиска пандь* (ам. д.) «Потом летом красная круглая редиска выросла». *Паг'ла* «красная», *пулкеулку* «круглая» являются определениями — однородными членами к слову *редиска* (ср. *паг'ладь* «красный» в функции сказуемого).

Первое определение, выступая в обычной инкорпорируемой форме, непосредственно примыкает ко второму определению, однако не вызывает имеющих место при этих комбинаторных условиях чередований [*паг'ла* исторически оканчивалось на сонант *н'(н)*, поэтому в данном случае должно было бы быть *паг'ла-булкеулку-редиска*] и, следовательно, находится вне комплекса;

4) *Иф леле матки пхов-чо-нрыныдь* (ам. д.) «Он увидел очень маленькую свернувшуюся рыбку». *Леле матки* «очень маленькую» и *пхов* «свернувшуюся» являются определениями к *чо* «рыба». Первое из них выступает в обычной инкорпорируемой форме (ср. *маткидь* в функции сказуемого), но находится вне комплекса: долженствующего иметь место при данных комбинаторных условиях чередования начального смычного второго определения (*п~б*, так как *матки* прежде оканчивалось на сонант) не происходит;

5) *Ни пила пиула-к'отр-к'удь* (ам. д.) «Я большого черного медведя убил». *Пила* «большой», *пиула* «черный» являются определениями — однородными членами к слову *к'отр* «медведь». К определяемому примыкает последнее из них. Первое определение, выступая в той же форме, что и последнее, находится вне инкорпорированного комплекса (см. отсутствие чередований как признака инкорпорирования на границе первого и второго определения);

6) *Ват'ис йайн' пилкари-т'уг'рму прийд* (в.-с. д.) «Приплыл большой железный (буквально: «сделанный из железа») пароход». *Ват'ис йайн'* «сделанный из железа» (*ват* «железо», *кис~г'ис~гис~хис* — суффикс творительного падежа, *йайн'* — основа глагола *йайнт* «делать») и *пилкари* «большой» являются определениями к *т'уг'рму* «пароход». Первое определение *йайн'*, имеющее обычную инкорпорируемую форму, находится вне комплекса: на границе определений происходит стечение сонанта со смычным, однако чередования не происходит;

7) *Нын'-во лаг'аин матки-туг'о эриг'о йидь* (ам. д.) «Около нашей деревни есть маленькие озера и речки». Определение *матки*, выступая в обычной инкорпорируемой форме, относится к двум определяемым — *ту* «озеро», *эри* «река» (*ко~г'о~го~хо* — соединительный суффикс), но не образует ни с одним из них инкорпорированного комплекса (см. отсутствие чередований начального смычного первого определяемого);

8) *ны'уг' му-ыр-малг'ола-тыфко фабрикаг'о-дэскут надь* (ам. д.) «В это военное время много заводов и фабрик было разрушено». Определение *малг'ола*, выступая в обычной инкорпорируемой форме (ср. *малг'одь* «много, многие» в функции сказуемого), относится к двум определяемым: *тыф* «дом» и *фабрика* «фабрика» (*ко~г'о~го~хо* — соединительный суффикс). Непосредственно примыкая к первому из них, оно не вызывает чередования

его начального согласного, которое должно было бы иметь место при данных комбинаторных условиях, и, следовательно, не образует инкорпорированного комплекса также и с ним;

9) *Og'lagu ыкы-умгуго уткүго п'-нигг'-битг'ьдох имн'-дот имн'-дүкүнды* (ам.д.) «Дети будут помогать старшим мужчинам и женщинам своей нивхской грамоте учиться». Определение *ыкы* «старший» выступает в обычной инкорпорированной форме (ср. *ыкыды* «старший» в функции сказуемого). Оно относится к *утк'у* «мужчина» (*го* — соединительный суффикс, употребляемый при перечислении однородных членов) и к *умгу* «женщина» (*го* — тот же суффикс), непосредственно примыкая к первому из них.

II. Прямое дополнение не имеет непосредственного примыкания к сказуемому: а) когда между ними вставлено какое-либо слово, б) когда к одному сказуемому относятся несколько прямых дополнений. Во втором случае к сказуемому непосредственно примыкает последнее прямое дополнение, вызывая при соответствующих комбинаторных условиях чередование его начального согласного. Приведем примеры на каждый из этих случаев:

1) *han'an ыу намагур мыдь* (ам.д.) «Тогда их голос хорошо слышал». В этом предложении прямым дополнением является *ыу* «голос» (в абсолютном падеже), сказуемым — *мыдь* «слышал». Между ними вставлено обстоятельство образа действия *намагур* «хорошо»;

2) *If-hak at zed'ra* (ам.д.) «Его шапку тигр взял». *If-hak* «его шапку» (*иф* «он, его»; *hak* «шапка» в абсолютном падеже) является прямым дополнением к сказуемому, выраженному глаголом *zed'* «держат, брать» (*та-ра-да* — утвердительный суффикс). Между ними вставлено подлежащее *at* «тигр»;

3) *Ny-ытык поско меучуго, озтг'о hak'xo-ged'* (ам.д.) «Мой отец матерью, ружье, порох и шапку купил». Прямыми дополнениями, выраженными именами существительными в абсолютном падеже, являются: а) *пос* «материя», б) *меучу* «ружье», в) *озт* «порох, лекарство», г) *hak'* «шапка» (*ко-г'о-го-хо* — соединительный суффикс). К сказуемому, выраженному глаголом *g'ed'* «брать, покупать», непосредственно примыкает только последнее дополнение, вызывая чередование его начального согласного (*g'~g*)⁴⁶;

4) *hute'un p'i-k'ug'unu putg'unu-t'ot mag'dg'un* (з.-с. д.) «Они свои луки и стрелы принесли». *K'у* «стрелы», *пут* «луки» (*g'unu* — суффикс множественного числа) являются прямыми дополнениями (в абсолютном падеже); *риот mag'dg'un* «принесли» (буквально: «неся пришли») — сказуемое. К нему непосредственно примыкает дополнение *путг'уну* «луки», вызывая чередование начального согласного первого глагола, входящего в состав сказуемого (*ри~т'*).

Приведенные выше данные и их анализ показывают, что выступающие в составе так называемых инкорпорированных комплексов зависимые компоненты (определение и прямое дополнение) имеют форму законченных слов. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что в этой форме они могут употребляться и употребляются как отдельные слова в других синтаксических функциях, а во-вторых, то, что в той же форме и в тех же синтаксических функциях (определения и прямого дополнения) они могут выступать и выступают вне инкорпорированных комплексов.

Во многих случаях определение и прямое дополнение в составе инкорпорированных комплексов действительно выражаются основами соответствующих слов. Однако, как было показано, в нивхском языке основа

⁴⁶ Суффикс *ко-г'о-го-хо* прежде оканчивался на сонант *н*.

слов совпадает с законченным словом, являясь одной из грамматических форм этих слов. Таким образом, форма, которую зависимые компоненты имеют в составе инкорпорированных комплексов, сама по себе отнюдь не говорит о том, что эти компоненты не выступают в предложении как отдельные слова, а сливаются с ведущими компонентами в одно слово. Вероятнее всего обратное, а именно, что при так называемом инкорпорировании в нивхском языке на самом деле слияния определения с определяемым, прямого дополнения со сказуемым в одно слово не происходит.

Выше, давая обзор взглядов ряда ученых на природу инкорпорирования, мы уже отмечали, что выдвинутое ими положение, согласно которому инкорпорированный комплекс представляет собой одно слово и ведет себя в предложении как отдельное слово, основано не на анализе действительной роли его компонентов в предложении, а зачастую только на фонетических признаках. Более того, как мы видели, в большинстве работ, посвященных вопросу об инкорпорировании, инкорпорированные комплексы приводятся вне предложений, как нечто уже готовое и сложившееся. Но ясно, что установить, являются ли те или иные отрезки связной речи (в данном конкретном случае знаменательные компоненты инкорпорированных комплексов) отдельными словами или они сливаются в одно слово, мы можем только в том случае, если будем рассматривать их в связной речи, т. е. в предложении, если будем рассматривать их в связи с другими словами предложения.

Проф. А. И. Смирницкий, останавливаясь на признаках, по которым отдельное слово выделяется в предложении, писал: «... отдельные слова, как особые единицы языка, характеризуются, помимо прочего, особыми отношениями друг к другу в связной речи и специфическими отношениями к различным другим образованиям (несловам)»⁴⁷. Очевидно, что наиболее важным признаком каждого слова как самостоятельной единицы в составе связной речи (предложения) следует считать наличие у него синтаксических связей с другими словами предложения. По этому признаку любое сочетание отдельных слов отличается от сложных слов, в том числе и таких, в которых каждый из компонентов имеет форму законченного слова.

Рассматривая с этой стороны так называемые инкорпорированные комплексы нивхского языка, нетрудно обнаружить, что каждый из их компонентов может иметь самостоятельные синтаксические связи с другими словами-предложениями, находящимися вне комплексов, и, следовательно, выступает как отдельное слово. Продемонстрируем это на каждом из типов комплекса.

Именной комплекс. В большинстве случаев, когда к определяемому относятся два или более определения, чередований не происходит не только на границе определений, но и на границе последнего определения с определяемым.

Однако, если одно из определений обозначает более постоянный признак, то оно, примыкая к определяемому, при наличии соответствующих комбинаторных условий вызывает чередование начального согласного определяемого. Таким образом, по традиционной точке зрения, здесь происходит инкорпорирование. Но тем не менее, несмотря на слияние в одно слово с первым определением, определяемое имеет синтаксические связи с другими определениями, выступающими вне этого инкорпорированного комплекса. Так, например, имеем:

1) *Иф матькилк чан'-солн'инок'-ршыприныр ить* (ам.д.) «Он обещал

⁴⁷ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности» слова), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 186.

принести маленького белого олененка». В этом предложении *матькилк* «маленький» и *чан'* «белый» выступают определениями к слову *чолн'-инонк* «оленинок». Начальный смычный определяемого чередуется под влиянием предыдущего сонанта *н'* последнего определения (*ч~с*). Согласно традиционным взглядам, здесь имеет место «инкорпорирование»: слово *ч'ан'* сливается в одно слово со словом *ч'олн'-инонк*. Но как мы видим, это последнее имеет синтаксические связи со вторым определением *матькилк*, находящимся вне «комплекса» (его конечное *к* не вызывает чередования начального *ч* второго определения);

2) *Йан' кылкари ват-хах-тёкт* (в.-с.д.) «Он длинное железное копьё сломал». *Кылкари* «длинный» и *ват* «железный» являются определениями к слову *к'ах* «копьё». Начальный смычный этого слова чередуется (*к'~х*) под влиянием конечного *т* предыдущего определения. Но утверждать, что *ват-хах* является инкорпорированным комплексом так же, как и в предыдущем случае, не приходится: *к'ах* (*хах*) «копьё» сохраняет синтаксическую связь со словом *кылкари* «длинный», выступающим в предложении самостоятельно.

Поскольку, как следует из приведенных примеров, определяемое в составе инкорпорированного комплекса выступает в предложении как отдельное слово, то ясно, что таковым является также и определение. Но можно привести дополнительные примеры, которые показывают, что и определение, будучи в составе инкорпорированного комплекса, сохраняет свои синтаксические связи с другими, самостоятельно выступающими в предложении словами.

В этом отношении особенно показательны случаи, когда определение выражено глагольной основой. В таких случаях глагольная основа, будучи определением и сливаясь фонетически с определяемым, сохраняет те синтаксические связи, которые имеет соответствующий глагол, выступающий в функции сказуемого, а именно — связи с дополнениями и обстоятельствами. Приведем примеры:

1) *Ниаз н'ын' гг'ир лыт-к'ег'ир н'ыньк-ытудь* «Низ из волоса сделанной сеткой лицо закрыла». Основа глагола *лытть* «делать» выступает определением к косвенному дополнению *к'ег'ир* «сеткой» (*к'е* «сетка», *кир~г'ир~гир~хир* — суффикс творительного падежа) и «инкорпорировается» этим словом. Но тем не менее к нему относится косвенное дополнение *н'ын'гг'ир* «из волоса» (*г'ир* — суффикс творительного падежа), которое выступает в предложении самостоятельно;

2) *Наф тракторкир хыз-мигух леп малг'огур пандь* (ам. д.) «Теперь на трактором вспаханной (буквально: вскопанной) земле много хлеба растёт». Основа глагола *хыздь* «копать» является определением к слову *мигух* «на земле» (*ух* — суффикс местно-исходного падежа) и «инкорпорировается» этим словом. Но к нему относится косвенное дополнение *тракторкир* «трактором» (*кир~г'ир~гир~хир* — суффикс творительного падежа), которое выступает в предложении самостоятельно;

3) *Ни н'-ытхин н'-ымхин-ху-ниех-н'анхт вивунт* (в.-с.д.) «Я моего отца и мою мать убившего человека искать иду». *Ху* — основа глагола *иг'уд* «убить» — является определением к слову *ниех* «человек» и «инкорпорировается» им. Но тем не менее эта основа поясняется двумя прямыми дополнениями *н'-ытхин* «мой отец» и *н'-ымхин* «моя мать» (*хин* — соединительный суффикс). Последнее из них «инкорпорировается» глагольной основой («инкорпорирую» прямое дополнение, глагол *иг'уд* изменяется на *худ*). Первое же выступает в предложении самостоятельно.

Глагольный комплекс. Выше нами уже приводились примеры, когда к одному сказуемому относятся два или более прямых дополнения. В этих случаях, согласно традиционной точке зрения, про-

исходит инкорпорирование (слияние) сказуемого и непосредственно примыкающего к нему прямого дополнения (см. чередование начального согласного сказуемого). Но такое инкорпорированное сказуемое имеет синтаксические связи с остальными прямыми дополнениями. В случаях, когда к прямым дополнениям относится одно определение, синтаксические связи имеет также и инкорпорированное прямое дополнение. Приведем примеры:

1) *hy ug'mu-yrux malg'ola-zavodg'o fabrikaq'o-děskutħad'ь* (ам. д.) «В это военное время много заводов и фабрик было разрушено». *Zavodg'o* и *fabrikaq'o* (*g'o* — соединительный суффикс) являются прямыми дополнениями к сказуемому *zōskutħad'ь* (состоит из деепричастной формы глагола *zōsk'tь* «ломать» и глагола *ħad'ь* «быть»). Это сказуемое «инкорпорировывает» последнее прямое дополнение (см. чередование начального согласного сказуемого *z~d'ь*). Но, несмотря на это «инкорпорирование», последняя часть (сказуемое) такого инкорпорированного комплекса сохраняет синтаксическую связь с первым прямым дополнением, выступающим в предложении самостоятельно, а первая его часть (прямое дополнение) сохраняет синтаксическую связь с относящимся к нему определением *malg'ola* (от *malg'od'ь* «много, многие»), которое, являясь определением также и к первому прямому дополнению, непосредственно к нему примыкает.

2) *Kħlan'a K'ochak-n'yrē'yrħara k'oshara n'yn'kħara-byvd'ь* (ам. д.) «Змея Кхочака в спину, шею и морду укусила» (буквально: «Кхочака спину, шею и морду укусила»). *N'yrē'yr* «спина» (*ħara* — соединительный суффикс при однородных членах), *k'os* «шея», *n'yn'kħara* «морда» являются прямыми дополнениями к сказуемому, выраженному глаголом *byvd'ь* «кусать». Это сказуемое «инкорпорировывает» последнее прямое дополнение (см. чередование начального согласного сказуемого *v~b*). Но, несмотря на это «инкорпорирование», последняя часть такого инкорпорированного комплекса сохраняет синтаксические связи с остальными прямыми дополнениями, выступающими в предложении самостоятельно, а первая его часть (прямое дополнение) сохраняет синтаксическую связь с относящимся к нему определением *K'ochak* (кличка собаки) (которое, являясь также определением и к двум другим прямым дополнениям, непосредственно примыкает к первому из них).

Анализ материалов, приведенных нами в связи с вопросом об инкорпорировании, показывает, таким образом, что в нивхском языке каждый из знаменательных компонентов так называемых инкорпорированных комплексов (именных и глагольных) сохраняет семантическую самостоятельность и ведет себя в предложении как отдельное слово. Свидетельством этого является то, что каждый из них может иметь самостоятельные синтаксические связи с другими словами предложения, выступающими в последнем вне инкорпорированных комплексов. Отсюда следует, что инкорпорирования, понимаемого как слияние двух или более знаменательных членов в одно слово в целях выражения определенных синтаксических отношений (определения к определяемому, прямого дополнения к сказуемому), в нивхском языке нет.

В нивхском языке, действительно, имеют место регулярные фонетические изменения (сандхи) на стыке слов, выражающих определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое, однако эти изменения происходят именно на границе отдельных слов и, как мы видели, отнюдь не свидетельствуют о том, что эти слова якобы сливаются в одно слово. Фонетические изменения говорят лишь о том, что в этих случаях поток

речи в нивхском языке делится не на слова, а на группы слов⁴⁸, образующих определенные синтаксические сочетания (определения и определяемого, прямого дополнения и сказуемого). Эти фонетические изменения при наличии одних и тех же синтаксических отношений происходят только в определенных комбинаторных условиях.

Как уже отмечалось выше, одним из оснований для утверждения о том, что инкорпорированный комплекс представляет собой одно слово, послужило то обстоятельство, что он оформляется такими же формантами, как и отдельное слово. При анализе инкорпорированных комплексов нивхского языка выяснилось, что в сочетании определения с определяемым падежное оформление получает только определяемое, определение же, независимо от того, какой частью речи оно выражено, не присоединяет к себе падежных суффиксов. В глагольном комплексе прямое дополнение, как мы видели, также выступает в абсолютном падеже, совпадающем с основой. Таким образом, зависимый член этих словосочетаний не получает никаких показателей в порядке выражения его отношений к ведущему члену. Правда, зависимые члены таких словосочетаний, как было показано, могут получать некоторые форманты (суффикс множественного числа, соединительные суффиксы, частицы), однако эти последние не указывают на отношения зависимых членов к членам ведущим⁴⁹.

Но тем не менее, как было обнаружено в ходе анализа инкорпорированных комплексов, такая неопределенность зависимых компонентов не свидетельствует об их слиянии в одно слово с ведущими компонентами, якобы используемом как средство выражения их синтаксических отношений, и отнюдь не говорит о том, что они не выступают в предложении как отдельные слова. Отсюда с неизбежностью следует вывод, что во всех этих случаях, т. е. при сочетании определения с определяемым, прямого дополнения со сказуемым, синтаксические отношения выражаются примыканием, при котором, как известно, также отсутствует какое-либо другое формальное выражение синтаксических отношений, кроме порядка слова⁵⁰. Таким образом, определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое образуют в нивхском языке не инкорпорированные комплексы, а словосочетания, построенные на примыкании.

Как известно, для словосочетаний, построенных на примыкании, также является характерным, что их отношения к другим словам или словосочетаниям предложения выражаются при помощи тех же формантов, что и отношения отдельных слов. Но это не уничтожает того принципиального различия, которое существует между словом и словосочетанием. Ясно, что оформление всего словосочетания в целом такими же формантами, какими оформляется и отдельное слово, само по себе еще не дает оснований для того, чтобы считать первое словом, хотя бы и с формальной стороны, как это делал целый ряд языковедов, выделявших инкорпорирование в качестве особого синтаксического приема.

⁴⁸ Ср. с французским языком, где, как отмечал Л. В. Щерба, звуковой поток делится не на слова, а на группы слов («Фонетика французского языка», 2-е изд., стр. 78).

⁴⁹ Некоторые из них, например соединительные суффиксы, указывают на отношения этих членов к другим словам предложения, находящимся вне «комплекса». См., например, случаи, когда сказуемое имеет несколько прямых дополнений, являющихся однородными членами (стр. 22 настоящей статьи).

⁵⁰ См., например, следующее определение примыкания в работе Е. И. Убрятовой: «Примыкание — способ связи слов, при котором отсутствуют ее специальные оформители, и отношения между членами словосочетания выражаются только их местоположением (локализацией)» (Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка, I. М.—Л., 1950, стр. 31).

Что касается нивхского языка, то оформление только последнего члена словосочетания морфологическими показателями, выражающими синтаксически отношения всего словосочетания, имеет место в нем и в других случаях. Так, в нивхском языке очень часто при наличии в предложении двух или более однородных членов — косвенных дополнений или обстоятельств соответствующий падежный суффикс присоединяется только к последнему из них. Например, в предложении *hog'at og'lagu pazko tиг'ркогир фындь* (ам. д.) «Тогда дети камнями и палками бросали» суффикс творительного падежа *кир~г'ир~гир~хир* оформляет только последнее косвенное дополнение (*тиг'ркогир* «палками»), первое же стоит в абсолютном падеже (*пазко* «палками», *ко~г'о~го~хо* — соединительный суффикс).

Общее падежное оформление в нивхском языке получает также и причастный оборот, выступающий в предложении в функции одного из его членов. Так, например, в предложении *hog'on'an иф хыз-мивух леп хыскур пандь* (ам. д.) «Поэтому на им вскопанной земле мало хлеба росло» как одно целое оформляется суффиксом местно-исходного падежа *-ух* причастный оборот *иф хыз-мивух* «на им вскопанной земле» (*иф* «он» в абсолютном падеже, *хыз* «вскопанная» — основа глагола *хыздь* «копать», *мивух* «земле» в местно-исходном падеже), каждый из членов которого выступает как отдельное слово. Таким образом, сочетания определения с определяемым, прямого дополнения со сказуемым в этом отношении для нивхского языка не представляют собой ничего необычного.

Итак, анализ соответствующих материалов показывает, что в нивхском языке нет никаких оснований для выделения противопоставляемого примыканию особого синтаксического приема инкорпорирования. Как было показано, во всех случаях, где видели инкорпорирование [т. е. такое слияние слов (основ), при котором каждое из них перестает выступать в предложении как отдельное слово, а таковым является получившийся в результате слияния инкорпорированный комплекс], мы имеем на самом деле синтаксические сочетания отдельных слов, употребляемых в качестве одного из членов предложения (определения, определяемого, прямого дополнения, сказуемого). Вместе с тем обнаруживается также вся неосновательность и ошибочность точки зрения, согласно которой в этих явлениях нивхского языка якобы проявляется такое предшествующее стадияльное состояние, когда в языке еще не были выделены как отдельные категории слово и предложение.

Нивхское инкорпорирование по ряду моментов существенным образом отличается от инкорпорирования в близко родственных языках чукотской группы (чукотском, корякском, ительменском). Прежде всего, в этих языках инкорпорированный комплекс в большинстве случаев имеет префиксально-суффиксальное оформление, а не только суффиксальное, как это имеет место в нивхском языке. Далее, если в нивхском языке зависимые компоненты выражаются основами слов, которые совпадают с законченными словами и могут выступать в предложении вне инкорпорированных комплексов, то в указанных языках основы слов в большинстве случаев не выступают в предложении как законченные слова, вне инкорпорированных комплексов⁵¹. Наконец, весьма существенным является также и то обстоятельство, что в языках чукотской группы, в отличие от нивхского, в весьма широких размерах происходит оформление инкорпори-

⁵¹ См. выше, стр. 8—9. Однако в чукотском языке, например, зависимый компонент в составе именного комплекса может выступать в некоторых случаях в форме одного из косвенных падежей.

рованных комплексов не только словоизменительными, но и словообразовательными аффиксами.

Однако все это само по себе не дает оснований считать, что инкорпорированные комплексы, например чукотского языка, являются результатом слияния в одно целое нескольких основ, что каждый из таких инкорпорированных комплексов с формальной стороны представляет собой одно слово и ведет себя в предложении как одно слово, а его компоненты таковыми не являются. Для подобных утверждений не дает оснований, например, и то обстоятельство, что чукотские инкорпорированные комплексы могут оформляться словообразовательными аффиксами, так как последними в некоторых языках могут оформляться и словосочетания.

Но вопрос о том, действительно ли компоненты инкорпорированного комплекса в чукотском языке не выступают в предложении как отдельные слова, а как таковое ведет себя в предложении весь инкорпорированный комплекс в целом, в данном случае можно решить только путем установления роли этих компонентов в предложении. Данная сторона вопроса, как мы уже отмечали в обзоре работ, касающихся проблемы инкорпорирования, совершенно не затрагивалась в них, в том числе и в тех, которые были посвящены специально инкорпорированию в языках чукотской группы. Между тем анализ показывает, что и в указанных языках инкорпорированные комплексы имеют такие черты, которые характеризуют их как словосочетания, хотя и не обычного порядка, и которые противостоят тому, что они якобы являются с формальной стороны словами и ведут себя в предложении как одно целое, отличаясь от обычных слов только сложным характером своей семантики. Не имея здесь возможности подробно останавливаться на данном вопросе, укажем в этой связи хотя бы на то, что и в чукотских языках каждый из компонентов инкорпорированного комплекса может иметь синтаксические связи с другими словами, выступающими в предложении вне комплекса, и что, следовательно, и здесь наличие одного общего морфологического оформления у всего такого комплекса не мешает его членам образовывать словосочетания с другими словами предложения. В связи со всем вышесказанным важно также отметить и то, что в понятие инкорпорирования вкладываются такие противоречивые признаки, как, с одной стороны, утверждение, что компоненты инкорпорированного комплекса сохраняют свою индивидуальную семантику и находятся в определенных синтаксических отношениях, а с другой стороны, мнение о том, что компоненты инкорпорированного комплекса не являются отдельными словами, что они не могут иметь синтаксических связей с другими словами предложения, что, наконец, инкорпорированный комплекс ведет себя в предложении как одно целое и с формальной стороны представляет собой слово.